

ЛБЧ1 27

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ

И М Е Н И
М И К Л У Х О - М А К Л А Я

К Р А Т К И Е
С О О Б Щ Е Н И Я

XXX

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва 1958

Н. А. КИСЛЯКОВ

НЕКОТОРЫЕ МАТЕРИАЛЫ К ВОПРОСУ ОБ ЭТНОГЕНЕЗЕ ТАДЖИКОВ

В свое время мы уже отмечали наличие двух культурно-исторических областей в пределах современного расселения таджиков¹; в то время как таджики, населяющие территорию к северу и западу от Гисарского хребта этнически, по-видимому, связаны с населением древнего Согда, для таджиков Гисара, Куляба, Каратегина, Дарваза и Принамирских районов характерна значительная культурная общность, которая в своей основе восходит, вероятно, к древним обитателям этого края — тохарам. Стремясь подкрепить высказанное нами положение этнографическими фактами, мы тогда же указали и на свадебные обряды, в которых, как известно, очень стойко сохраняются пережитки прошлого.

Запимаясь в течение ряда лет изучением семейно-брачных отношений у таджиков, мы обращали большое внимание в основном на разработку этих вопросов с точки зрения стадильности, с точки зрения смены более древних форм семьи и брака более поздними; это явление мы ставили в непосредственную связь с господствовавшими социально-экономическими отношениями, в частности со степенью сохранения или разложения натурального хозяйства². Однако при изучении проблем истории брака, в первую очередь при рассмотрении отдельных обычаев, обрядов и церемоний, связанных с самой свадьбой, следует не упускать из поля зрения и другой аспект, а именно вопросы культурной истории, культурных традиций, безусловно, связанные с этнической историей населения, с его этногенезом.

Одним из любопытных вопросов такой культурной традиции является вопрос о времени совершения обряда бракосочетания и увоза новобрачной в дом мужа, являющегося кульминационным пунктом брачной обрядности.

Этого вопроса нам пришлось очень кратко коснуться в другой связи в одной из наших работ, здесь же мы остановимся на нем более детально³.

В имеющейся небольшой литературе по браку у таджиков на выяснение этого вопроса почти нигде не обращено внимание и в ряде случаев из общего контекста можно лишь догадываться о том, в какое время суток совершались бракосочетание и увоз новобрачной. Так, например, А. Гребенкин по поводу зеравшанских таджиков сообщает, что угощение, пред-

¹ Сб. «Советская этнография», т. VI—VII, 1947, стр. 314—319.

² См. например, автореферат нашей диссертации (КСИЭ, вып. XVII, 1952, стр. 74—80).

³ Н. А. Кисляков. Сочинения Абу-Бекра Мухаммеда Нершахи «История Бухары» как этнографический источник. «Труды АН Таджикской ССР», т. XXVII, 1954, стр. 60.

шествующее бракосочетанию, начинается с полудня⁴. О. А. Сухарева относительно таджиков Шахристана пишет, что жених является на бракосочетание в дом невесты, когда время близится к послеобеденной молитве⁵. Тот же автор, описывая свадьбу в Самарканде, ничего не говорит о времени ее совершения; однако из описания поезда повобрачной (а отъезд последней совершается сразу же после бракосочетания) мы узнаем, что ее сопровождали факельщики и пламя факелов разгоняло ночную тьму⁶. А. А. Бобринской отмечает, что у приамирских таджиков «вечером халифа совершает обряд, после которого жених и невеста считаются мужем и женой»⁷.

Более определенно в этом отношении описание свадьбы у М. С. Андреева. У таджиков долины Пянджшир в Афганистане за невестой жених отправляется днем, около 4—5 часов, но если путь далек, то соответственно раньше⁸. Относительно таджиков Ишкашима и Вахана М. С. Андреев сообщает, что после бракосочетания все отправляются в дом жениха, если он недалеко, в противном случае остаются почевать в доме невесты⁹. Это свидетельствует о том, что церемонии бракосочетания и увоза повобрачной совершались днем.

Четкое высказывание по интересующему нас вопросу мы находим в третьей работе М. С. Андреева, в работе, посвященной таджикам долины Хуф. «Что касается времени дня, — пишет Андреев, — то здесь имеются строго определенные воззрения. Если невеста девушка, то совершение брачного обряда (нико) возможно только днем, когда все радостно. Если совершить обряд после захода солнца, ночью — это значит омрачить радость, накликать горе, несчастье. Что же касается вдовы, то, наоборот, совершение брачного обряда с ней возможно только ночью, после того, как скрылось солнце. Совершить с ней брачный обряд днем ни за что не допустит селение. Как только брачный обряд совершен, сейчас же, несмотря на темноту, новобрачная должна трогаться в путь, так как должна оставить свой дом еще в течение ночи. Если такая вдова выходит замуж за кого-нибудь вне хуфской долины, то обычай настойчиво требует, чтобы вышедшая замуж вдова еще до рассвета перевалила бы перевал и оставила долину. Если дом ее нового мужа находится в том же селении, то она должна только в ту же ночь перейти в дом своего нового мужа. Считается, что если вдова выйдет замуж днем или если день застанет ее еще в доме ее родителей, то в селении приключится несчастье — у детей появится коклюш (кабут-сулфа)»¹⁰. К этому М. С. Андреев прибавляет, что, по воззрениям хуфцев, девушка, лишившаяся невинности до совершения брачного обряда, в отношении времени совершения последнего приравнивалась к вдове и обряд над ней должен был совершаться ночью. «Мы понимаем, как это неприятно и позорно, — говорили в таких случаях

⁴ А. Гребенкин. Заметки о Когистане. «Туркестанские ведомости», 1872, № 30—36.

⁵ О. А. Сухарева. Некоторые вопросы брака и свадебные обряды у таджиков кишлака Шахристан. «Сб. научного кружка при Восточном факультете Среднеазиатского государственного ун-та», вып. I, Ташкент, 1928, стр. 79.

⁶ О. А. Сухарева. Свадебные обряды таджиков г. Самарканда и некоторых других районов Средней Азии. СЭ, III, 1940, стр. 175.

⁷ А. А. Бобринской. Горцы верховьев Пянджа (Ваханцы и ишкашимцы). М., 1908, стр. 92.

⁸ М. С. Андреев. По этнологии Афганистана. Ташкент, 1927, стр. 46.

⁹ М. С. Андреев и А. А. Половцев. Материалы по этнографии иранских племен Средней Азии, Ишкашим и Вахан. МАЭ, т. I, вып. IX, 1911, стр. 14.

¹⁰ М. С. Андреев. Таджики долины Хуф (верховья Аму-Дарья), вып. 1. «Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР», т. VII. Сталинабад, 1953, стр. 161.

жители селения родителям невесты, — но ведь она одна, пусть потерпит, а если мы уступим, то пострадает все селение — все дети могут перемереть»¹¹.

Представление о том, что совершение брачного обряда над вдовой днем сопряжено с опасностью появления коклюша, по-видимому, широко было распространено на территории Южного Таджикистана. М. Р. Рахимов по этому поводу любезно сообщил нам следующие любопытные подробности. Раньше в кишлаке Сафедорон (Дарваз) при появлении коклюша (кабут-хуфа) женщины отправлялись на гору Новрузга, расположенную недалеко от кишлака. Перед выходом из кишлака они готовили особое ритуальное кушанье «ревич», которое затем съедали на дороге перед мазаром. У мазара делали из глины лепешки и две фигурки-куколки, которые называли Шосафар и Мосафар. Затем женщины взбирались на гору и направлялись к обрыву Кабуд-джар, напевая: «Мосафар каһр кардаст, хонаи бобош меравад, Шосафар ай акыбаш каһр гардони меравад!» (Мосафар рассердилась, идет в дом своего отца, Шосафар, чтобы успокоить ее, следует за ней). Затем фигурки кидали в обрыв вместе с глиняными лепешками и, не оглядываясь, бежали вниз по другой дороге. После этого, по поверию, коклюш в кишлаке должен был прекратиться. Однако считалось, что если после этого кто-либо из жителей кишлака женится на вдове и привезет ее в кишлак днем, то коклюш вернется. Вообще же местные жители полагали, что девушку везти в дом мужа пужно обязательно днем, а вдову — ночью.

Все собранные нами в свое время полевые материалы в Дарвазе, Каратегине, Кулябе и Гисаре согласно говорят о том, что совершение брачного обряда — никах и переезд новобрачной (если она девушка) в дом мужа совершались днем. Такой же порядок существовал в долинах Ванджа и Ягулема, о том же свидетельствуют приведенные выше материалы М. С. Андреева. В отношении Каратегина указанный порядок подтверждается наблюдениями Е. М. Пещеровой.

Автору этих строк во время путешествий по Каратегину и Дарвазу, особенно в осеннее и зимнее время, неоднократно приходилось встречать на дороге свадебный поезд, направлявшийся из одного кишлака в другой. При этом лицо новобрачной обычно было закрыто ритуальной свадебной занавеской — рубанд¹². Весьма характерно, что именно в районах южного Таджикистана приезд жениха к невесте, а также отвоз новобрачной в дом мужа сопровождался такими массовыми развлечениями, как, например, бузкаши — «игра с козлом», которая, естественно, могла иметь место только в дневное время.

О необходимости везти новобрачную до наступления темноты, об известной спешке при этом, боязни, что отъезд может затянуться и день сменится ночью, как нельзя лучше говорит следующий отрывок из свадебной песни, записанный у кулябских таджиков:

Барор, барораш, кай мебарораш,
Рузи худо бега шудаст, зудтар барораш.
Выводи, выводи, когда ее выведешь,
Божий день смеяется вечером скорее, выводи ее.

Таким образом, можно констатировать, поскольку это позволяют имеющиеся в нашем распоряжении материалы, что в южном Таджики-

¹¹ М. С. Андреев. Таджики долины Хуф (верховья Аму-Дарья), стр. 161.

¹² См. Н. А. Кисляков. Свадебные лицевые занавески горных таджиков. МАЭ, т. XV, Л., 1953, стр. 291—316.

стане, а именно в Гисаре, Кулябе, Каратегине, Дарвазе и в Принамирье, существовала стойкая традиция совершать обряд бракосочетания и отвозить девушку-новобрачную в дом мужа в дневное время. Во всех этих районах жених в день свадьбы заканчивал все приготовления (в частности, традиционную стрижку волос и облачение в наряд жениха) рано утром и вскоре отправлялся в дом невесты, чтобы засветло можно было совершить обряд бракосочетания и водворить новобрачную в дом мужа.

Совершенно иную традицию мы встречаем по другую сторону Гисарского хребта, к северу и северо-западу от него, в северных районах таджикской оседлости. Здесь, как правило, все указанные церемонии — приход жениха в дом невесты и в особенности обряд бракосочетания и отвоз новобрачной в дом мужа — совершаются только с наступлением темноты, вечером или ночью.

Уже в Ягнобе, отделенном от Гисара лишь Гисарским хребтом, указанные церемонии совершаются, по-видимому, вечером или ночью. Во всяком случае из полевых материалов Е. М. Пещеровой, любезно предоставленных нам, следует, что лица, уполномоченные вести переговоры с невестой непосредственно перед совершением обряда бракосочетания, приходят к ней вечером; в тех же материалах указывается, что при приближении поезда новобрачной к дому жениха навстречу выходит женщина с зажженным светильником, а затем лошадь с сидящей на ней новобрачной обводит вокруг костра, расположенного на дворе или на улице вблизи дома.

В отношении таджиков долины Зеравшана мы уже приводили неясное сообщение А. Гребенкина о том, что предбрачное угощение начинается с полудня, когда же совершается самый обряд бракосочетания, автор не сообщает. Однако наши полевые материалы, касающиеся Кштута и Пянджикента, говорят со всей определенностью, что интересующие нас обряды совершались после наступления темноты. В сел. Кштут обряд бракосочетания совершался в доме невесты поздно вечером, затем ее в темноте везли в дом мужа; как во дворе дома ее отца, так и во дворе мужа раскладывали и зажигали костры и новобрачную трижды обвозили вокруг обоих костров. В Пянджикенте новобрачную везли в дом мужа поздно ночью, поезд сопровождали лица, несущие зажженные факелы, и здесь также ее дважды обвозили вокруг костров — в доме отца и в доме мужа. В кишлаке Рарз¹³, выше Захматабада по течению Зеравшана, жених отправляется в дом невесты в темноте, сопровождающие его лица несут несколько факелов, освещающих дорогу. Перед домом невесты разводят костер и устраивают веселье; большой костер зажигают во дворе дома жениха к приезду новобрачной, которая объезжает его трижды на лошади.

О том, что интересующие нас церемонии в Самарканде совершались вечером или ночью, говорит приведенное выше свидетельство О. А. Сухаревой.

Собранные нами полевые материалы в ряде других мест северного Таджикистана подтверждают только что сказанное. В Бухаре жених является в дом невесты во время последней молитвы намази хуфта, т. е. в то время, когда уже совсем стемнеет; перед домом невесты к его приходу зажигают большой костер. Обряд бракосочетания и отвоз новобрачной в дом мужа совершается ночью; у ворот дома жениха также разводятся большой костер. В Ура-тюбе жених отправляется в дом невесты,

¹³ Этими сведениями мы обязаны бывшему студенту Ленинградского государственного университета, выпускнику иранского отделения восточного факультета А. Агнаеву.

когда уже совсем стемнеет; вместе с ним отправляются его дружки, которые строятся в ряды и с песнями, неся в руках зажженные факелы, двигаются к дому невесты. Самый обряд бракосочетания и увоз новобрачной в дом мужа совершается поздно ночью, к ее приезду во дворе дома молодого зажигают большой костер. Утро застает новобрачную уже в доме мужа, где снова возобновляется угощение, прерванное в доме ее отца. В большом ферганском кишлаке Чуст жених также собирается в дом невесты поздно вечером; на голову ему накидывают халат, который скрывает его. По приходе его в дом невесты совершают обряд бракосочетания, после чего молодых укладывают спать. Рано утром новобрачный покидает свою жену и возвращается к себе в дом. Новобрачную же везут в дом мужа вечером этого дня; к ее приезду во дворе дома зажигают костер и новобрачную трижды обвозят вокруг него на лошади или же обводят пешком.

Нам лично пришлось наблюдать большое свадебное торжество в кишлаке Чкаловск вблизи Лениппабада. Многочисленные гости стали собираться еще засветло, их угощали чаем, сладостями и пловом во дворе дома отца невесты. Пели певцы, играли музыканты, все ждали наступления темноты. Часов около десяти, когда совсем стемнело, пришел жених с двумя-тремя друзьями. У жениха был накинут на голову халат. Почти никем не замеченный он прошел в отведенное для него помещение. Вскоре был совершен брачный обряд, который также исполнялся келейно, присутствующие во дворе гости узнали об этом лишь со слов близких к семье людей. Перед помещением, в котором находился новобрачный, разожгли огромный костер из хвороста, и во двор вошла большая группа мужской молодежи; все молодые люди были в одежде белого цвета и в черных тибетейках. Перед костром собравшиеся долго пели песни, затем из помещения вышел новобрачный, опять-таки с накинутым на голову халатом, с двумя дружками; он осторожно пробрался к задним рядам поющих, его окружили, провели мимо костра. Пение, а затем пляска вокруг костра продолжалась долго. Зрелище было чрезвычайно эффектным и торжественным. Новобрачный и его друзья после пиршества, которое происходило в указанном выше помещении, ночью же отправились в дом молодожена. Вскоре после этого, также под покровом ночи, в дом мужа была отправлена и новобрачная.

Совершение бракосочетания и перевозка новобрачной в дом мужа в ночное время отмечены нами и в горных таджикских кишлаках верховий р. Кашка-Дарья, на западных склонах Гисарского хребта.

Таким образом, у таджиков обычай совершать обряд бракосочетания и отвозить новобрачную в дом мужа днем был распространен на территории, входившей в древности в состав Тохаристана, а обычай совершать эти обряды ночью — на территории древнего Согда. Естественно, что во втором случае эти церемонии сопровождались устройством костров и возжиганием факелов, которые должны были разгонять ночную тьму.

2011/1
ДТ
ИФ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ

И М Е Н И
МИКЛУХО-МАКЛАЯ

КРАТКИЕ
СООБЩЕНИЯ

XXVIII

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва 1958

Н. А. КИСЛЯКОВ

ПЕРЕЖИТКИ МАТРИАРХАТА В БРАЧНЫХ ОБРЯДАХ НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Наука располагает довольно значительным количеством фактов, свидетельствующих о матриархальных порядках у народов Средней Азии в отдаленном историческом прошлом. По сведениям Геродота, во главе массагетов стояла женщина — царица Томарис; у пессидов женщина пользовалась одинаковыми правами с мужчиной. Геродот рассказывает также и о том, как знакомство скифских юношей с амазонками привело к распространению обычаев последних среди скифских (савроматских) женщин, которые стали одеваться по-мужски, ездить на охоту и на войну¹. По сообщению Ктесия, среди сакских женщин, обычно помогавших мужьям в военных делах, особенно выделялась своей воинственностью и способностями царица саков Зарина. По сведениям Элиана, у саков всякий, кто хочет жениться, должен вступить с девушкой в единоборство и только одержав победу в поединке, может взять ее себе в жены. Женщина у саков пользовалась самостоятельностью и уважением, что является характерным для всех кочевых народов Средней Азии².

Древние китайские источники рассказывают о том, что от Давани (Фергана) до Аньси (Парфия) жители всюду «уважают женщин. Что скажет жена, муж не смеет не выполнить»³. О кушанах один из древних армянских источников сообщает, что «жены кушанцев не имеют никакого страха перед мужьями своими, ибо кушанцы жен своих считают высшими себя»⁴. Ряд современных исследователей, в частности исследователи парсизма и зороастрийской цивилизации⁵, также признают, что в древности народам, населявшим Иранское плоскогорье, были свойственны матриархальные порядки и что женщина у этих народов занимала высокое положение.

У народов Средней Азии следы некогда бытовавших матриархальных порядков наиболее стойко сохранялись в брачных обрядах и церемониях. В конце XIX — начале XX в. как у оседлых, так и у полуседлых и кочевых народов в семейном быту господствовали патриархальные отношения. Брак был патрилокальным — жена переходила на жительство в дом своего мужа. Одним из важнейших условий брака являлась уплата женихом или

¹ См. Геродот. История, т. 1. М., 1885, стр. 106, 309, 347—348.

² См. В. В. Григорьев. О скифском народе саках. СПб., 1871, стр. 20, 80.

³ Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии, в древние времена, т. II, ч. 3, М.—Л., 1950, стр. 162.

⁴ Цит. по кн. В. В. Григорьев. «О скифском народе саках», стр. 80, 81.

⁵ См. D. Meaut. Les Parsis. Paris, 1898; M. N. Dhalla. Zoroastrian Civilisation. New-York, 1922; A. Mazaheiri. La famille iranienne aux temps anteislamiques. Paris, 1938.

его семьей выкупа, вознаграждения за невесту. Этот выкуп поступал к отцу невесты или к его ближайшим родственникам и назывался калымом. Особенно велики размеры калыма были у кочевников (казахов, киргизов, части туркмен и узбеков), а также у горцев (горных таджиков), нередко проживавших большими неделинными патриархальными семьями (общинами). В более передовых в культурном и экономическом отношениях районах, особенно там, где преобладала малая семья, обычай уплаты калыма утрачивал свое значение. Однако и здесь семья по-прежнему сохраняла свой патриархальный и, в частности, патрилокальный характер. Муж являлся главой семьи, женщина занимала подчиненное, неравноправное с мужчиной (как по мусульманским установлениям, так и по обычному праву) положение. Дети принадлежали отцу: они наследовали его имущество и имя.

Существеннейшим признаком матриархата является, как известно, матрилокальность брака. Поэтому весьма любопытны все те пережитки в брачных обрядах и церемониях, которые так или иначе указывают на существовавшую ранее матрилокальность брака. Одним из таких пережитков был широко распространенный в недалеком прошлом среди народов Средней Азии обычай тайных посещений невесты женихом. Эти посещения начинались вскоре после помолвки или сговора и продолжались до самой свадьбы, после которой, как правило, совершался переезд новобрачной в дом мужа.

Среди таджиков время между помолвкой и свадьбой обычно растягивалось на несколько месяцев, а иногда на год и на два года. В течение всего этого периода практиковались тайные свидания жениха с невестой, носившие название «кынголь-бози», что значит «игра с невестой»⁶. Время от времени жених являлся тайком, обычно вечером, к дому невесты и кто-либо из ее родственников, а нередко и сама мать девушки устраивала им свидание. Характерно, что об этих свиданиях не должен был знать отец девушки. В ряде мест существовал и другой обычай: жених после помолвки оставался несколько дней в доме невесты и неоднократно встречался с ней; эти встречи продолжались и после того как жених возвращался в свой дом. Из сообщений исследователей конца XIX в.⁷ известно, что у узбеков Ферганской долины промежуток времени между помолвкой и свадьбой иногда растягивался на срок до нескольких лет. Обычно вскоре после помолвки одна из родственниц жениха уславливалась с матерью невесты о времени прихода жениха. Поздно вечером жених приезжал к невесте с подарками, его проводили в отдельную комнату так, чтобы он не встретил родителей невесты. При свидании присутствовала одна из родственниц невесты; до рассвета жених должен был уйти незамеченным. Затем эти посещения продолжались более или менее беспрепятственно, вплоть до свадьбы и увоза новобрачной в дом мужа. Известный венгерский путешественник середины XIX в. А. Вамбери сообщает, что у туркмен и казахов в течение года молодой человек посещал свою избранницу в ее доме только ночью, таясь от всех⁸. Для 80-х годов прошлого века в отношении казахов сообщается, что после помолвки, сопровождающейся чтением особой молитвы—«бата», начинались тайные посещения женихом невесты⁹. Первые

⁶ Все основные материалы, относящиеся к таджикам, собраны автором данного сообщения и поэтому приводятся в тексте без ссылок.

⁷ В. Наливкин и М. Наливкина. Очерки быта женщины оседлого туземного населения Ферганы. Казань, 1886, стр. 200—212.

⁸ А. Вамбери. Очерки Средней Азии. М., 1868, стр. 95—101.

⁹ П. Е. Маковецкий. Материалы для изучения юридических обычаев киргизов, вып. 1, Омск, 1886, стр. 2—23.

посещения сопровождалось сложными обрядами, символизирующими бегство невесты и ее поимку. Во время посещения жених раздавал многочисленные подарки. Свидания происходили в юрте родителей невесты, которые обычно старались не замечать жениха. По данным другого автора¹⁰, первое свидание жениха и невесты происходило в юрте родителей последней и носило название «псык ачу» — «отворить дверь», в дальнейшем же для свиданий молодых людей ставилась отдельная юрта. У казахов Сыр-Дарьинской и Семиреченской областей жених в юрту невесты приходил не мог даже и тайно; для их свиданий поблизости от юрты невесты ставили особую юрту¹¹. После совершения свадебных церемоний новобрачный увозил жену в свою юрту. У каракалпаков, по сообщению советских исследователей¹², после сговора и свадебных обрядов молодая жила иногда до 3—5 лет в доме своих родителей, а муж приезжал к ней на короткое время. Лишь после совершения особых обрядов муж увозил жену к себе.

Аналогичные обычаи были отмечены и у народов соседних со Средней Азией областей. У джемшидов и хезарэ на советской территории, куда отдельные группы этих народов перекочевали из Афганистана еще 25 лет тому назад¹³, отмечался обычай тайных посещений женихом невесты в период между помолвкой и свадьбой. У афганцев в начале XIX в. существовал обычай «намзад-бази». Так назывались тайные свидания жениха с невестой в ее доме, начинавшиеся вскоре после обручения; по словам исследователя, этого обычая придерживался не только простой народ, но и высокопоставленные лица и даже сам король¹⁴. У курдов Закавказья в конце XIX в. подобные тайные свидания, называвшиеся «дызие-буке» (кража невесты), начинались после помолвки. На первое свидание жених являлся тайком от отца девушки с подарками для своей будущей тещи, которая приводила жениху дочь, а затем удалялась¹⁵. О тайных свиданиях между помолвкой и свадьбой молодых людей у персов сообщают европейские исследователи середины XIX в.¹⁶ Свиданиям, которые и здесь назывались «намзад-бази», нередко содействовала мать девушки. Об обычае «намзад-бази» сообщали и советские исследователи¹⁷.

Тайные добрачные свидания предшествовали свадебной церемонии и начинались до уплаты калыма или же после уплаты некоторой части его. В большинстве случаев полная уплата калыма служила уже основанием для совершения свадебных обрядов, сопровождавшихся увозом новобрачной в дом мужа. В то время, как уплата калыма и переезд новобрачной после свадьбы в дом мужа ни в какой степени не идут в разрез с господствующими или господствовавшими до недавнего времени у перечислен-

¹⁰ Х. К у с т а н а е в. Этнографические очерки киргиз Перовского и Казалинского уездов. Ташкент, 1894.

¹¹ Н. И з р а з ц о в. Обычное право («адат») киргизов Семиреченской области. «Этнографическое обозрение», 1897, № 3; А. Д и в а е в. Несколько слов о свадебном ритуале киргизов Сыр-Дарьинской области. «Ученые записки Казанского ун-та». 1900, кн. 4.

¹² Т. А. Ж д а н к о. Каракалпаки Хорезмского оазиса. «Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции», т. 1. М., 1952, стр. 517—518.

¹³ См. Э. Г. Г а ф ф е р б е р г. Форма брака и свадебные обряды у джемшидов и хезарэ. «Советская этнография», 1936, № 1.

¹⁴ E l p h i n s t o n e. Account of the Kingdom of Caubul, I, London, 1815, p. 237—241.

¹⁵ С. А. Е г н а з а р о в. Краткий этнографический очерк курдов Эриванской губернии. «Записки Кавказского отделения Русского географического общества». Кн. XIII., вып. 2, 1891, стр. 49—53.

¹⁶ См. I. A. G o b i n e a u. Trois ans en Asie. Paris, 1859, p. 441—442.

¹⁷ См. Р. А. Г а л у н о в. Средняя персидская свадьба. Сборник музея антропологии и этнографии, т. IX, 1930, стр. 187—195; С. М. М а р р. К изучению персидской свадьбы. Сборник музея антропологии и этнографии, т. IX, 1930, стр. 197—208.

ных народов патриархальными обычаями и порядками, указанные тайные посещения женихом невесты в доме ее родителей никак не могут быть совместимы с патриархальными воззрениями и традициями. Они, несомненно, являются данью более древним матриархальным порядкам. Обычай тайных посещений является пережитком того времени, когда муж после некоторых брачных церемоний (превратившихся впоследствии в помолвку) отправлялся на постоянное жительство в дом (тогда еще, вероятно, родовое поселение) своей жены или же систематически посещал ее дом; другими словами, этот обычай является пережитком матрилокального брака. Любопытно отметить, что у некоторых, в недалеком прошлом кочевых племен узбеков, указанный пережиток матрилокального брака выступал еще более резко: новобрачная переезжала в дом мужа нередко спустя много времени после свадьбы, обычно с появлением на свет первого ребенка.

У большинства народов Средней Азии, наряду с указанными тайными посещениями, в период между сговором-помолвкой и свадьбой вступали в силу запреты общения между женихом и ближайшими родственниками, а также родителями невесты. У таджиков, например, жених не только не мог разговаривать со своим будущим тестем, но и не должен был видеться с ним. Кое-где этот запрет распространялся и на будущую тещу, сестер и братьев невесты, а также других родственников. Таджиким говорили, что жених «мегурезад», т. е. буквально «избегает» родню жены. Это избегание прекращалось лишь после традиционного посещения новобрачными родителей жены, которое совершалось спустя некоторое время после свадьбы. Такой же обычай существовал и у узбеков; если жених нечаянно встречал кого-либо из родственников невесты, то он должен был закрывать лицо полкой халата и отвернуться¹⁸. В советское время обычай избегания, известный под названием «качу», отмечен как пережиток недавнего прошлого у узбеков дельты Аму-Дарьи¹⁹.

У казахов во время брачных церемоний родители жениха и невесты не общаются друг с другом, жених избегает будущего тестя. Первая встреча молодожена с тестем происходит при прощании молодой со своим домом и при отъезде в дом мужа²⁰. По материалам, собранным еще в 20-х годах текущего столетия, у киргизов обычай избегания вступал в силу с момента просватания девушки. Жених до свадьбы не должен был показываться тестю и теще, в некоторых местностях он прятался и от старшей родни невесты. Иногда такое избегание продолжалось после свадьбы до рождения первого ребенка²¹. У туркмен-нохурли в недалеком прошлом молодой супруг избегал родных жены очень долго, обычно до рождения второго ребенка; у туркмен-помудов такой запрет длился до семи лет²².

Для полноты картины следует отметить, что наряду с женихом и невестой обычно после сговора или помолвки избегала родственников жениха, причем у ряда народов для женщины многие запреты общения с родными мужа оставались в силе и в дальнейшем, иногда в течение всей жизни.

Вопросу об избегании супругами родни противоположной стороны по-

¹⁸ В. Н а л и в к и н и М. Н а л и в к и н а. Указ. соч., стр. 200—212; А. Д. Г р е б е н к и н. Узбеки. Сб. «Русский Туркестан», вып. II, М., 1872, стр. 62—68.

¹⁹ См. К. Л. З а д ы х и н а. Узбеки дельты Аму-Дарьи. «Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции». I. М., 1952, стр. 399.

²⁰ См. П. Е. М а к о в е ц к и й. Указ. соч., стр. 2—23.

²¹ См. Н. П. Д ы р е н к о в а. Брак, термины родства и психические запреты у киргизов. Сборник этнографических материалов, Л., 1927, № 2.

²² См. Г. П. В а с и л ь е в а. Туркмены-нохурли. Среднеазиатский этнографический сборник. Труды Ин-та этнографии АН СССР. Новая серия, т. XXI, 1954, стр. 199—200.

священо значительное число работ, в которых даются объяснения этого обычая. Одни выводят его из практики умыкания жен и последующих враждебных отношений между группами; другие склонны видеть причину избегания в стремлении предотвратить половую близость одного из супругов с родственниками другого. Не имея возможности входить в детали различных предположений, укажем лишь, что еще Э. Тейлору удалось в свое время показать, что избегание между зятем и родственниками жены чаще наблюдается у народов с матриликальным поселением, а избегание между молодой и родственниками мужа — у народов с патрилокальным поселением²³. Таким образом, избегание возникает в связи с реальными условиями совместного проживания человека из другой семьи, из другого рода в чужом семейном коллективе, связанном кровным родством. Мнение Э. Тейлора разделял авторитетный русский этнограф А. Н. Максимов.

Если даже в общих чертах согласиться с такого рода объяснением обычая семейно-брачных избеганий, то нужно будет признать, что избегание девушки родителей жениха, а в дальнейшем мужа, в семье с патриархальными порядками отвечало существующим реальным условиям, в то время как избегание женихом родных невесты являлось пережитком матриархальных отношений, матриликального брака. Подтверждением этой точки зрения может служить и тот факт, что период избегания женихом родителей невесты совпадает с периодом рассмотренных выше тайных свиданий жениха и невесты, которые мы имеем основания считать пережитком матриликального брака. Таким образом, описанные выше два обычая — тайные добрачные посещения женихом невесты и избегание женихом родни невесты, как нам представляется, являются пережитком матриликального брака. Большинство исследователей отмечает, что среди народов Средней Азии широко практиковались браки между близкими родственниками, в частности кузенные браки. Кузенные браки были весьма распространенным явлением, однако общественное мнение особенно одобряло брак на дочери брата матери.

Все исследователи, изучавшие таджиков, пишут о предпочтении, которое оказывалось дочери брата матери при выборе невесты для молодого человека. Это подтверждается советскими исследователями в отношении других народов. Так, среди узбеков, в частности узбеков дельты Аму-Дарьи, одним из наиболее предпочтительных был брак между сыном сестры и дочерью брата²⁴. Среди киргизов²⁵ тоже предпочитались браки с родственницами со стороны матери. У туркмен-нохурли наиболее желательным считался брак с представительницей рода, из которого происходила мать жениха; наиболее желательной невестой являлась дочь брата матери²⁶. Обычай, по которому представители данной семьи или родовой группы систематически, из поколения в поколение брали жен из другой определенной группы, — из группы, к которой принадлежала мать данного лица, — помимо всего прочего показывает, что материнский род пользовался у народов Средней Азии предпочтением. Следует отметить, что таджики, например, с особой любовью и особым почтением относились ко всем представителям материнского рода; они называли их «тагон мардум» — «люди из рода брата матери» и говорили, что «духтарони тагон ба мо хосият мебахшад» — «дочери материнского дяди нам приносят благо».

²³ См. Э. Тейлор. О методе исследования развития учреждений. «Этнографическое обозрение», 1890, № 2.

²⁴ См. К. Л. Задыхина. Указ. соч., стр. 399.

²⁵ См. С. М. Абрамзон. Очерк культуры киргизского народа. Фрунзе, 1946, стр. 49.

²⁶ См. Г. П. Васильева. Указ. соч., стр. 193—194.

В таком почтительном, любовном отношении к представителям материнского рода нельзя не видеть бывшего значения этого последнего в жизни народов Средней Азии.

В несомненной связи с таким отношением к представителям материнского рода или материнской семьи находится и тот авторитет, которым пользовался брат матери — основной и наиболее близкий представитель этого рода или этой семьи. Широко известно, что при матриархальных порядках брат матери всегда играл важную роль и как бы заменял отца детям своей сестры. Та важная роль, которую играет брат матери у народов Средней Азии, является одним из пережитков матриархата среди этих народов. Приведем для примера несколько фактов. Характеризуя роль материнского дяди, таджики говорят «таго ба джои хафт падар аст» — «дядя по матери заменяет семь отцов». Так как материнский дядя весьма часто являлся и отцом жены племянника, то термин «таго» — «материнский дядя» обычно употреблялся вообще для обозначения тестя. Дядя по матери всегда являлся опекуном своих племянников. Немалую роль играл он при выполнении свадебных церемоний и нередко получал часть из следующего отцу невесты калыма, которую называли «хаки шир» — «вознаграждение за молоко, за воспитание» (хотя при существовавших патриархальных отношениях дядя и не выступал в роли воспитателя). Дядя по матери нередко сам отвозил племянницу в дом жениха, участвовал в торге по поводу калыма, получал со стороны представителей жениха выкупы-подарки, а с другой стороны, он же заботился о наделении племянницы приданым.

У киргизов материнский дядя пользуется особым уважением со стороны детей сестры и проявляет к ним свое расположение²⁷. При родовых празднествах гостей-племянников выделяли в особую группу; для них устраивали особое угощение, раздавали им подарки. Притязание на подарки племянников к дяде с материнской стороны отразилось в киргизской поговорке: «лучше пусть придут семь волков, чем племянник». У узбеков дельты Аму-Дарьи материнский дядя является почетным руководителем свадебных празднеств; он обладает большим авторитетом, с ним считаются и к его совету прислушиваются; он же заботится о племянниках в случае смерти их отца и даже берет их к себе в дом на воспитание²⁸. По обычаю, племянники при посещении дома дяди могут взять у него все, что им понравится. У туркмен дядя со стороны матери, независимо от возраста, пользовался среди племянников большим уважением. Как старший, он мог приказывать им и многого от них требовать. В то же время это родство накладывало на него ряд обязательств: он не мог, например, отказать племяннику, если тот сватался к его дочери. Дядя играл важную роль и в случае женитьбы племянника²⁹.

Постепенно, в соответствии с развитием и сложением патриархальных отношений, роль дяди со стороны матери стала несколько ступеневаться и сам он уже отступал на второй план; вместе с тем начала выдвигаться фигура брата отца. Одновременно и среди кузенных браков наряду с женитьбой на дочери брата матери стала практиковаться женитьба на дочери брата отца, что нередко вызывалось соображениями экономического порядка и шло в разрез с принципами родовой экзогамии. Однако иначе и быть не могло, поскольку значение материнской родни сохранилось лишь в качестве пережитка ранее существовавших реальных отношений.

Несколько менее отчетливо вырисовывается роль матери (с обеих сторон) в брачных обрядах. В одних обрядах и церемониях она играет важную

²⁷ См. С. М. Абрамзон. Указ. соч., стр. 50.

²⁸ К. Л. Задыхина. Указ. соч., стр. 402.

²⁹ Г. П. Васильева. Указ. соч., стр. 202.

роль, в других, напротив, не принимает никакого участия. Отметим, например, что некоторые исследователи объясняют отсутствие матери невесты на свадебных церемониях в доме жениха (например, у туркмен) былой матриликальностью брака.

Остановимся еще на одном обычае, широко распространенном у народов Средней Азии. Речь идет об обычае, получившем в советской литературе название «обычай возвращения домой»³⁰.

У таджиков вскоре после свадьбы и переезда новобрачной в дом мужа родители новобрачной приглашали ее на некоторое время погостить к себе. Новобрачная отправлялась в дом родителей одна или вместе с мужем. Там, где совместная поездка не практиковалась, новобрачный приглашался отдельно. Чаще же всего они отправлялись вместе. Погостив дня три, муж возвращался домой, а жена оставалась у родителей довольно продолжительное время (месяц и больше). Посещением новобрачными дома родителей молодой женщины обычно заканчивался период избегания между новобрачным и родными его жены, о котором говорилось выше. Это событие обставлялось известной церемонией. Молодой сидел в доме тестя некоторое время молча и потупя глаза; тесть, для того, чтобы вывести его из этого состояния, делал ему какой-либо подарок. Приезд новобрачной в дом родителей был связан и с получением ею некоторых подарков, входивших в состав ее приданого «моли мирос».

Советскими этнографами отмечен такой обычай и у других народов Средней Азии. У каракалпаков, например, молодая после свадьбы неоднократно приезжала в дом родителей и подолгу там жила³¹. У туркмен новобрачная, прожив в доме мужа от 3 до 15 дней, возвращалась на несколько дней в дом отца³². Этот обычай у туркмен-нохурли назывался «открытие дверей дочери». Молодая в доме родителей хранила молчание до тех пор, пока ее не одаривали деньгами и скотом. У туркмен-текинцев и номудов это пребывание молодой в родительском доме носило более длительный характер и продолжалось нередко год и более; все это время молодая женщина занималась приготовлением себе приданого и тканьем ковров, при этом муж должен был посещать свою жену только тайком. В этот период происходила окончательная выплата молодоженом калыма, но если даже весь калым был выплачен, муж не мог забрать жену ранее годовичного срока.

Обычай «возвращения домой» не может быть истолкован иначе, как пережиток былой матриликальности брака. Об этом говорит и внешняя форма обычая. Возвращение молодой женщины в дом родителей после выполнения всех брачных церемоний, часто и после выплаты всего калыма и переселения ее в дом мужа, не может иметь, очевидно, никакого другого объяснения кроме того, что это является известной уступкой прежним порядкам, традициям и понятиям. Изложенная точка зрения находит подтверждение в том факте, что у таджиков вслед за выполнением этого обычая кончается избегание новобрачным родных его жены, которое мы склонны, как уже говорилось, относить к пережиткам матриликального брака. Тайные же посещения мужем жены во все время ее длительного «возвращения домой» у туркмен как нельзя более ярко подтверждают матриликальный характер этого обычая.

³⁰ См. М. О. Косвен. Обычай возвращения домой. Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР, вып. I. 1946.

³¹ Т. А. Жданко. Указ. соч., стр. 518.

³² Г. П. Васильева. Указ. соч., стр. 199—201; е е же. Итоги работы туркменского отряда Хорезмской экспедиции за 1948 г. «Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции», I, М., 1952, стр. 436.